

M $\frac{135}{395}$

1836

**ФОНДЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ СССР ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА
ЯВЛЯЮТСЯ ЦЕННЕЙШИМ НАЦИОНАЛЬНЫМ ДОСТОЯНИЕМ СОВЕТСКОГО НАРОДА — БЕРЕГИТЕ ИХ!**

Не делайте никаких пометок и не подчеркивайте текст. Не перегибайте книгу в корешке, не загибайте углы листов.

Внимательно просматривайте книгу при получении. Сообщите о замеченных дефектах библиотекарю немедленно.

Не выносите книги и журналы из читального зала в буфет, курительную комнату и другие места общего пользования.

Книги, полученные по междубиблиотечному абонементу, могут быть использованы только в читальном зале.

Возвращайте книги в установленные сроки.

В случае инфекционного заболевания в квартире абонент обязан сообщить об этом в Библиотеку.

Лица, виновные в злостной порче и хищении книг, отвечают по суду в соответствии с Постановлением СНК РСФСР от 14 сентября 1934 года «Об ответственности за сохранность книжных фондов».

М 135
395

Кл. 911

**О ТВОРЯЩЕЙ СИЛѢ
ВЪ ПОЭЗИИ**

ИЛИ

О ПОЭТИЧЕСКОМЪ ГЕНІѢ.

СОЧИНЕНІЕ

Александра Никитенко.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. СМЕРДИНА, И. ГЛАЗУНОВА И К^о.

1836.

Anderson's Copy Books

Handbook

Edward M. Sear

Omaha

1837. August 1.

M 135
395
О

**ТВОРЯЩЕЙ СИЛѢ
ВЪ ПОЭЗІИ**

ИЛИ

О ПОЭТИЧЕСКОМЪ ГЕНИѢ.

СОЧИНЕНІЕ

Экстра-Ординарнаго Профессора Император-
скаго Санктпетербургскаго Университета

Александра Никитенко.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

Печатано въ типографіи А. Смирдина, И. Глазунова и К^о.

1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

По опредѣленію Университетскаго Совѣта, Декабря
29 дня 1836 года.

Секретарь Совѣта Надворный Совѣтникъ
Александръ Брутъ.

2007056709

О ТВОРЯЩЕЙ СИЛѢ ВЪ ПОЭЗІИ

или

О ПОЭТИЧЕСКОМЪ ГЕНІѢ.

Приспупая къ разсужденію объ одномъ изъ важнѣйшихъ феноменовъ человеческого духа, — къ разсужденію о творящей силѣ въ Поэзіи, я не питаю дерзкой надежды разрѣшить множество вопросовъ, къ коимъ подаешь поводъ сей обширный, неизчерпаемый предметъ. Довольно, если мнѣ удастся пояснить нѣкоторыя его спороны и представить нѣкоторыя соображенія, можешь бышь, несовсѣмъ безполезныя для Философіи Искусства, столь могущественно дѣйствующаго на нравы и образованіе людей. Если бы подобныя изслѣдованія и не доводили до желаемыхъ результатовъ, то они не излишни уже и потому, что обращающъ умъ мыслящихъ людей къ предметамъ, способнымъ ихъ воз-

высипь. Нельзя думать объ истинахъ важныхъ безъ того, чтобы онѣ не оставляли благошворнаго слѣда въ тайныхъ изгибахъ души нашей; это молишва, которая если не всегда низводитъ великое до нашихъ нуждъ, то всегда освящаетъ наше сердце, возводя насъ самихъ къ нему.

Можно въ Искусствахъ допустить двѣ постоянно дѣйствующія силы — одну *жиз-*
душную, другую *образующую*. Одна вноситъ въ міръ и олицетворяетъ первоначальныя, основныя идеи жизни, которыя, какъ сѣмена, лежатъ искони въ таинственныхъ хранилищахъ человеческой природы и наконецъ должны, каждый въ свое урочное время, процвѣсти и сдѣлаться фактомъ Исторіи; другая сила развиваетъ эти идеи, даетъ имъ разнообразныя формы, какія только онѣ способны принять, управляетъ ихъ движеніемъ и распространяетъ ихъ вліяніе въ поколѣніяхъ и вѣкахъ. Одну называютъ *геніемъ*, другую можно назвать *умомъ художественнымъ*.

Съ понятіемъ *геній* мы сопрягаемъ значеніе болѣе высокое, чѣмъ определенное, болѣе удивляемся ему, чѣмъ его изучаемъ. Мы при-

выкли почитать его явленіемъ чрезвычайнымъ. Это и справедливо, потому что очень рѣдко соединяются условія, долженствующія вызвать его на поприще и образовавъ. Но что такое гений по своей природѣ? Это естественная, неподавленная мощь человеческого духа, коему дана возможность сосредоточивъ все свои силы, все пружины и побужденія въ одной опредѣленной идее. Эта сосредоточенность производитъ чудесныя послѣдствія; ее-то именно не доспаетъ людямъ обыкновеннымъ. Ихъ силы и стремленія разсѣваются по разнымъ направленіямъ, дробятся, каждая преслѣдуетъ свою отдѣльную цѣль — и наконецъ ослабленные симъ разединеніемъ, все они шеряются въ жизни безъ подвиговъ и блеска, какъ разорванные облака шеряющіяся въ пространствѣ воздушномъ, не посявъ на землю ни дождя, ни грозы. И такъ нѣтъ еще ничего необычайнаго въ эпоху полнощъ и крѣпости силъ, какими одаренъ человекъ гениальный: таковъ долженъ быть человекъ въ здоровомъ состояніи своей естественной организаціи. Но чрезвычайность въ томъ, какимъ образомъ эти силы избѣгли дѣй-

ствія разрушительныхъ началъ, положенныхъ судьбою въ самомъ чловѣкѣ и въ обстоятельствахъ враждебныхъ ему опъ колыбели; чрезвычайность для насъ въ этомъ таинственномъ актѣ, по которому извѣстная идея проникла ихъ своею жизнію и сливъ ихъ съ собою, образовала дивное правдивое могущество. — Природа такъ ли скупа на людей гениальныхъ, какъ намъ кажется? Если бы можно было опредѣлить съ точностію обстоятельства, попясающія душевныя силы при самомъ ихъ пробужденіи, уловить ту роковую минушу, копорая, какъ первоначальный ударъ, двинувшій планеты по ихъ вѣчнымъ путямъ, — первымъ своимъ напечатлѣніемъ образуешь для юной души кругъ ея жизни и дѣятельности: — намъ представилось бы зрѣлище наставительное и печальное. Сколько увидѣли бы мы блистательныхъ надеждъ изпѣвающихъ въ прахъ! сколько способностей, у коихъ опята прекрасная будущность! Для насъ это не очень утѣшительно; но не должно забывать, что въ многосложномъ планѣ мірозданія иногда тысячи грубыхъ, необработанныхъ камней важнѣе, чѣмъ нѣсколько великолѣпныхъ колоннъ, копорыя можешь воз-

двинуть рука человеческая. Природа готовитъ матеріалы для нашего быта, а Исторія ими располагаетъ, усмремляя всѣ явленія къ общимъ цѣлямъ и благословляя на жизнь и безсмертіе только то, что хорошо на своемъ мѣстѣ. Удивительно ли послѣ этого, что такъ рѣдко встрѣчаются намъ люди съ полномочіемъ жить и дѣйствовать для одной великой цѣли — и не должны ли мы признаться истинну положительную въ извѣстной мысли, что людей гениальныхъ является не болѣе, какъ сколько ихъ нужно для потребностей вѣка? Въ самомъ дѣлѣ, что значили бы всѣ пріуготовительныя усилія Природы для образованія извѣстнаго нравственнаго могущества, если бы общество не призывало его къ дѣятельности именемъ своихъ нуждъ? Человѣкъ, котораго мы называемъ гениальнымъ художникомъ, явись въ вѣкѣ варварства, можешь быть, былъ бы такимъ же суровымъ сыномъ войны, какъ и полка, среди коей онъ родился, — и величайшій полководецъ новѣйшихъ временъ, во дни мирной гражданственности, по собственному его признанію, простеръ бы руку не къ скипетру, но къ ма

тематическому циркулю. Вотъ почему прежде еще чѣмъ геній угадаетъ свое призваніе, общество должно ему покровительствовать. Оно приготовляетъ ему поприще и цѣль; оно окружаетъ колыбель его своими потребностями, своими желаніями. Эти потребности и желанія влекутъ его первые порывы, оберегаютъ его для великой будущности. Они призываютъ его или на поле брани для окончательнаго рѣшенія кровавыхъ распрей, или пребываютъ отъ него успокоительныхъ испинъ во дни пагубной шаткости умовъ, просятъ у него высокихъ пѣсней, или храма для достойнаго поклоненія Богу. Надобно, чтобы общество могло всего этого желать. Тогда чело-вѣкъ могущественный духомъ, по тайному внутреннему влеченію спѣшитъ средоточіемъ своихъ силъ опереться на предметъ, достойный занять ихъ, способный возбудить великія помышленія и великія надежды въ сердцахъ. Тогда одна несокрушимая мысль овладѣваетъ всѣмъ его существомъ: ибо въ этой мысли заключается для него полное сознаніе себя и разцвѣтающій надежда безсмертія. Ей, какъ избранной невѣстѣ, опдалъ онъ первый вздохъ

свой, ей опадаетъ и послѣдній. Чѣмъ пламеннѣе устремляется онъ къ своей идеѣ, чѣмъ глубже ее развертываетъ, чѣмъ болѣе исполняется жизни въ ея божественномъ лонѣ, тѣмъ менѣе уже способенъ жертвовать своею любовію и силами инымъ цѣлямъ. Здѣсь заключенъ союзъ на жизнь и смерть. Онъ дѣлаетъ геніальнаго человека одностороннимъ; но только подъ условіемъ сего союза можетъ образоваться та сосредоточенность силъ, безъ коей нѣтъ могущества, нѣтъ генія. Скоро люди примѣтятъ, что они дали возвыситься среди себя огромному превосходству; они не желали этого; они требовали его подвиговъ, а не славы, — они думали, что призывали его къ служенію, а не ко власти. Но уже поздно. Онъ можетъ умереть съ разтерзаннымъ сердцемъ на порогѣ Капитолія, можетъ облечься въ рубище вмѣсто багряницы. Но дѣло, имъ совершаемое, свершится. Онъ не изнеможенъ отъ препятствій: напрошивъ онъ окрѣпленъ въ битвѣ, — въ школѣ злополучій просвѣтлится, и лавры вѣнчанныя пролѣбнутъ на терніи его вѣнца.

Ошъ общихъ свойствъ генія мы перей-

демъ къ свойствамъ генія поэпическаго. Первоначальная отличительная черта въ его характеръ есть, безъ сомнѣнiя, особенное *воззрѣнiе* его на жизнь и природу, съ коимъ сопрягается и способъ его мышленiя. Сiе послѣднее направляется у него по пути синтезиса, а не анализа. Умъ его стремится не къ явленiямъ въ частныхъ оппращенiяхъ ихъ жизни, а къ идеямъ эпихъ явленiй, къ самой жизни. Философъ также восходишь на эту высоту мысли, но другимъ путемъ. Онъ идетъ къ ней по ступенямъ эмпирическихъ разпоспей и сходствъ, и только спезею опвлеченiя и умозаключенiй достигаетъ единсшва ихъ и средоточiя; опъ сего единсшво эпо у него есть не иное что, какъ *понятiе*. Захочетъ ли опъ сiе послѣднее превратишь въ чистую живую идею? онъ долженъ сбросишь съ него иго всѣхъ предъидущихъ механическихъ поспроенiй, онъ долженъ, шакъ сказашъ, потеряшь изъ виду вещи и обняшь умомъ своимъ одинъ духъ ихъ, одно общее неизмѣнное значенiе ихъ жизни. Но тогда мы увидимъ его на одной ступени съ поэтомъ. Вошь почему справедливо осуждаютъ Философiю,

когда она располагаетъ умозрѣніями своими синтетически. Для самобытнаго свободнаго творчества это хорошо, но для познанія пагубно: ибо въ познаніи недовольно видѣть то, отъ чего вещи зависятъ, надобно видѣть и то, какъ онѣ зависятъ. И такъ предъ глазами генія поэтическаго жизнь и природа открываются въ высшемъ значеніи; вся борьба разностей, всѣ мелкіе проники отдѣльныхъ существъ, посредствомъ коихъ они стремятся обезпечить свое личное бытіе и овладѣть большимъ участкомъ силъ и самоощущенія, — все это не существуетъ для него. Вездѣ видитъ онъ соотношенія гармоническія и слѣд. красоту: ибо гармонія есть высочайшая принадлежность красоты. Геній поэта не ищетъ вынудить у Природы, если смѣю такъ выразиться, планъ ея ремесла; онъ не сходитъ въ ея лабораторію, чпобы быть свидѣтелемъ ихъ отправленій и операцій, коими вырабатывается ея разнообразная и богашая жизнь: ему досталась иная, оправдѣйшая доля. Онъ призванъ для участія въ торжественномъ пиршествѣ природы, приглашенъ наслаждаться плодами ея

сшрогой экономіи и раздѣляютъ радость шворенія полного и довершеннаго: тяжкіе спюны муки, въ коей раждалось оно, не превожилн его слуха. Въ какихъ бы видахъ ни являлась ему жизнь, она служитъ для него предметомъ благоговѣйныхъ и возвышенныхъ думъ; въ улыбкѣ прекрасныхъ усшъ, въ первомъ вздохѣ дѣвственнаго сердца онъ открываетъ такой же глубокій смыслъ, какъ и въ шумѣ падающихъ царствъ. Здѣсь-то въ святилищѣ идей, на сей высотѣ Сіонской, недоступной шревогамъ земнымъ, храмъ чистой красоты; здѣсь являеиша она въ образѣ *истиннаго и благаго*, примирительницею всѣхъ разногласій, всѣхъ прошивуборствъ, средоточіемъ всѣхъ явленій и конечною цѣлю всякаго развитія жизни. Удивительно ли, что для гениа, получившаго направленіе, какое мы здѣсь изображаемъ, все въ природѣ и жизни облагороживается и украшается, что грубыя ихъ спороны, принадлежащія земнымъ назначеніямъ, дѣлаются или невидными или измѣняютъ свой характеръ, какъ орудія, какъ средства высшихъ цѣлей? Такое душевное созерцаніе вещей мечта ли только разгоряченнаго воображенія? Не

есть ли это напротивъ истина строгая, истина по превосходству — истина, которую человекъ не можетъ обнять умомъ, но которую въ состоянїи принять сердцемъ и озарить ею все пресмыкающееся въ прахъ земномъ? И вотъ гдѣ источникъ того возбужденнаго состоянїя души, въ которомъ все ея силы приходятъ въ гармоническое настроеніе и движутся въ полномъ, богатомъ, свободномъ разливѣ жизни, неспѣсяемомъ ни какими частными, эгоистическими или механическими отношенїями. Вотъ гдѣ источникъ того вдохновенїя, которое окрыляетъ мысль поэта, дѣлая ее въ тоже время плодотворною и жизненною, сообщаетъ пламень его сердцу и побѣдительную силу его слову.

И такъ идея чистой красоты, или что все равно, идея жизни въ ея идеальномъ и вмѣстѣ гармоническомъ настроенїи, дѣлается господствующею въ генїѣ поэтическомъ. Въ этой идеѣ сосредоточивается не сила *познанїя*, но сила *ощущенїя*, — потому ее и называютъ въ субъективномъ смыслѣ *чувствомъ изящнаго*. Недовольно родиться съ нимъ (это удѣлъ всѣхъ людей), надобно, чтобы оно бы-

ло преобладающимъ въ душѣ поэта; надобно, чшобы пробужденное одинъ разъ высшимъ воззрѣніемъ на жизнь и природу, оно соединило въ себѣ и умъ и волю его, и сдѣлалось средоточіемъ всѣхъ ихъ движеній. Въ этомъ-то родѣ сосредоточенности нравственныхъ силъ и заключающагося основа поэтического могущества. Тутъ начало поэтической дѣятельности, начало *творчества*.

Понятіе *творчества* есть господствующее въ изящныхъ искусствахъ. Но прежде чѣмъ мы приступимъ къ раскрытію силы, коей оно приводится въ исполненіе, посмотримъ, изъ какихъ побужденій человѣческихъ оно возникаетъ и въ чемъ состоитъ отличительный его характеръ? Обширное назначеніе человѣка пребудетъ необъятнаго разнообразія средствъ и орудій для постепеннаго его выполненія. Въ этой огромной машинѣ столько должно быть вставлено и приведено въ движеніе колесъ и пружинъ, столько должно дѣлаться обновленій, перестановокъ, поправленій и ш. п., что конечно этого одного уже достаточно, чшобы занять силы самыя могущественныя и дать развитіе дѣя-

пельности само йобширной. Однако жъ такая механическая обработка элементовъ, образующихъ Цепорію человечества, составляетъ только половину призванія нашего. Правда, работы эти распределяются между многими, какъ работы мануфактурныя по системѣ полишко-экономистовъ; каждый долженъ воздѣлывать свой участокъ, имѣть свое ремесло и плодами его уплачивать дань порядку и охраненію цѣлаго. Но и въ эту рабочую храмину проникаетъ лучъ одного и того же всеоживляющаго свѣтила жизни; и здѣсь человекъ, усталый отъ трудовъ служебныхъ, ищетъ освѣжить себя забвеніемъ своей рабочей доли, или мыслію о лучшемъ отрѣднѣвшемъ существованіи, какъ о наградѣ за всякое бодрствованіе на спирахъ всеобщаго порядка. Мысль, что онъ исполнилъ свой долгъ и что послѣ этого пріобрѣлъ право на притязанія болѣе человѣческія, болѣе великія, есть мысль святая, облагораживающая всякое дѣло земныхъ его нуждъ, мысль, которая на полномъ челѣ его кладетъ печать достоинства и чести. Одни только мелко-умные наблюдатели нравовъ, любя застаивать челове-

ка въ минуты его домостроительныхъ заботъ и нуждъ, не хопяишь прочесть въ сердцѣ его никакой высшей склонности, никакого лучшаго побужденія. Въ самомъ дѣлѣ, мы спремъ великолѣпные города, побѣждаемъ природу, чтобы раздвинуть предѣлы нашей промышленности — мы восходимъ на высшую степень физическаго и политическаго усовершенія—и что же? всѣ наши изумляющія созданія теряются, какъ точка въ безпредѣльности человѣческаго назначенія. Мы не удовлетворены. Это безбрежное море, это человечество со всѣми богатствами своего прошедшаго и настоящаго и со всѣми надеждами будущаго манишь насъ къ себѣ и говоритъ: «я ваше — возьмице.» Но какъ овладѣть имъ? Это не лица опредѣленныя, не мѣста, не выгоды и отношенія; это идеи. Что мы гекубъ или намъ гекуба? говоритъ Шекспиръ, а между тѣмъ ея спенанія изшоргаютъ слезы изъ очей нашихъ. Мы изъ развалинъ Капитонія вызываемъ грознаго генія — властителя вселенной, что бы пріосѣнись себѣ его славой; мы принимаемъ въ сердце свое слезы какойнибудь Инесы, чтобы выплакать ихъ сно-

ва для себя; утѣшенные сладкою дружбаю въ нашихъ скорбяхъ, мы спѣшимъ еще передать ихъ грядущимъ поколѣніямъ, увѣренные въ ихъ сладкомъ соучастіи. И такъ есть въ человѣческомъ сердцѣ стремленіе жить не только своею отдѣльною жизнью, жизнью своего общества, вѣка, но жизнью человѣчества. Это начало нравственнаго разширенія, начало всеобщаго сочувствія въ человѣческомъ родѣ, есть вмѣстѣ и первая причина возбуждающая творческія силы въ человѣкѣ; онъ стремящійся уже произвести не то, что имѣетъ отношеніе только къ извѣстной цѣли нашего личнаго бытія, но то въ чемъ выражалась бы для людей какая либо идея человѣчества, или лучше сказать, гдѣ человѣчество являлось бы въ извѣстномъ направленіи и моментѣ своей жизни. Это простая нужда нашей души, но нужда священная, нужда, которая каждое недѣлимое связываетъ брашскими узами совѣсти существами, одинаковыми съ нимъ по ихъ жребію и по основнымъ законамъ ихъ природы. Могущество, удовлетворяющее сей нуждѣ, есть могущество творческое, конечно въ усло-

вномъ смыслѣ, столько, сколько можно приписать его существу конечному. Здѣсь человекъ не руководствуется въ своихъ предначертаніяхъ какимъ либо опредѣленнымъ опытнымъ явленіемъ, которое служило бы ему цѣлю, направляло бы его въ дѣйствіяхъ и предлагало ему средства; напротивъ онъ оставленъ здѣсь самому себѣ въ огромномъ пространствѣ жизни, коей предѣлы, виды и формы онъ долженъ установить самъ. Душа его должна возвыситься надъ многосложными спихіями жизни, овладѣть ими, воздвигнуть изъ нихъ новую природу съ гармоническими соотношеніями вещей, гдѣ въ каждомъ недѣлимомъ, какъ въ зеркалѣ, будетъ отражаться что нибудь общее человѣческое. Посмотрите, какая должна быть свобода и какая мощь въ правящихъ силахъ, чтобы лучшую очаровательнѣйшую прелесть, нѣжную и вмѣстѣ роскошную сторону человѣческой жизни перелить въ одно недѣлимое существо и сказать ему: *живи*, — и между тѣмъ Шекспиръ это сдѣлалъ — онъ создалъ Юлію. Это собственное его твореніе, для котораго спихіи могли дать ему только человѣчество и которое внести въ бытіе че-

ловѣческій довершеннымъ, полнымъ жизни и движенія могъ только человѣкъ одаренный силами гениальными. Возьмемъ другой примѣръ: сколько кровавыхъ бореній испыталъ человѣкъ новѣйшихъ временъ въ дерзновенныхъ припязаніяхъ своего надменнаго ума и въ нищетѣ своей мелкой земной доли! сколько лвилъ онъ безумныхъ посягательствъ на высочайшую свободу духа и сколько опытовъ позорнаго рабства! сколько преступленій, совершенныхъ на дѣлѣ и несбывшихся мечтаній о доблести. Здѣсь такъ много жизни взятой изъ природы и судьбы человѣческой, что кажется нѣсколькимъ вѣкамъ неизчерпать бы эпою глубины страстей: — но предъ вами Фаустъ великаго Гете и эпи вѣка сократились для васъ въ пространствѣ одной жизни, ихъ богатство разлилось въ біеніи сердца нѣсколькихъ лицъ.

Въ поэтическомъ возрѣніи на жизнь творящаго гения надобно различить однакожъ два направленія: одно направленіе къ жизни, другое къ устройству ея, къ ея формамъ. Эпо устройство есть чистая гармонія, красота. Сознаніе жизни идеальной, какъ мы видѣли выше, ведетъ къ сознанію красоты, но еще

неслужить, такъ сказать, полнымъ обезпеченіемъ ея въ твореніи. Вотъ почему мы много находимъ произведеній, ознаменованныхъ печатью высокаго поэтического достоинства, но въ тоже время лишенныхъ этой внутренней гармоніи и единства, которые дѣлаютъ твореніе сколько же высокимъ въ художественномъ отношеніи, сколько оно богато содержаніемъ. Таковы всѣ произведенія первоначальной народной поэзіи, гдѣ болѣе преобладаютъ идея жизни, чѣмъ красоты. Надобно, чтобы могучія стремленія къ идеальной жизни были приведены къ полному сознанію законности; эта мысль должна руководить художникомъ независимо отъ его вдохновенныхъ созерцаній. Не должно никогда забывать сей истины въ искусствѣ: иначе оно легко можетъ сдѣлаться жертвою бурныхъ движеній духа, который будетъ искаать повсюду эффекта, какъ проявленія жизни, не заботясь о истинѣ его. Разумъ на высотѣ идей такой же властелинъ человѣческихъ начинаній, какъ и въ мелкихъ планахъ житейской мудрости.

Творящая сила генія поэтического есть его фантазія, дѣйствующая по идеямъ разу-

ма. Высшія порожденія ея суть образы. Геній не только исполняется живымъ ощущеніемъ идеальной жизни, но и ставитъ ее въ пропывуположенность съ собою, какъ въ высочайшей сшешени мыслящая сила; — тогда жизнь сія должна вмѣститься предъ нмъ въ опредѣленное пространство и время, должна принять на себя характеръ конечнаго, дѣйствительнаго явленія. Оно самостоятельно, потому что опрѣшилось отъ внутреннихъ движеній его духа; поэтому оно становится вполне индивидуальнымъ, слѣд. органически живымъ. Таково происхожденіе образовъ. Они не суть пустые вымыслы, игра слѣпаго произвела, или минутной субъективной восприимчивости — это жизнь и слѣд. Истина. Это существенность, законъ, порядокъ, судьба. Геній поэтический не вымышляетъ идей — онъ находитъ ихъ въ природѣ и человечествѣ, но силою своего творческаго могущества онъ открываетъ ихъ вамъ не въ самомъ себѣ, не въ отвлеченныхъ представленіяхъ, а въ опредѣленныхъ, живыхъ, движущихся созданіяхъ; это истинное, полное воплощеніе невидимаго, осуществленіе безконеч-

*

наго въ конечномъ. Матеріалы для самыхъ образовъ фантазія находишь въ природѣ и человечествѣ; но они выходятъ изъ глубины ея съ такимъ характеромъ и организаціей, какихъ ни въ природѣ, ни въ человечествѣ не бываетъ. Это идеалы.—

Однакожъ созданіе образовъ, сколь бы они ни были идеальны, не обнаруживаетъ еще вполне творящаго могущества. Они не суть испуганы не подвижны; полны жизни, они должны развиваться, дѣйствовать, они должны громко провозвѣщать сокрытую въ нихъ идею; однимъ словомъ, должны имѣть свою судьбу, свою испорію; — все это даетъ имъ поэпическій геній. Вотъ откуда возникаетъ рядъ *отношеній и обстоятельствъ*, которыя созданію поэпическому даютъ видъ сложнаго и разнообразнаго цѣлаго. И такъ геній творящій не только даетъ бышіе идеальнымъ образамъ, но и хранишь ихъ и обогащаетъ; онъ не только зодчій, но и домовладыка. Если въ возвышенномъ своемъ полетѣ онъ могъ сначала удалиться на необъятное разстояніе отъ дѣйствительнаго порядка вещей, то здѣсь онъ снова въ него входитъ, примиряетъ

ся съ нимъ, заспавляя свои созданія жить по законамъ дѣйствительной жизни, или, что все равно, по законамъ природы.

Изъ этого слѣдуетъ, что истинно Геніальный способъ поэтического развитія идеи есть *разнообразіе* и *Гармонія*. Общее разлагается здѣсь на частное, индивидуальное и каждая частность, вступая въ соотношеніе съ другою, дѣлается органическою принадлежностію цѣлаго. Но что же будетъ руководить Генія въ этомъ многосложномъ лабиринтѣ лицъ, вещей и событій? Основная идея, кою онъ проникнуть, которую онъ хранилъ и лелеялъ въ своемъ сердцѣ и которую долженъ наконецъ явить свѣту. Она служитъ для него источникомъ постоянного, неоскудѣвающаго воодушевленія, хранилищемъ образовъ и вмѣстѣ звѣздой путеводной. Здѣсь заключается средоточіе, *единство* творенія. Въ каждомъ произведеніи великаго поэта мы видимъ дѣйствительно преобладаніе одной идеи; это-то въ особенности доказываетъ его превосходство надъ толпою обыкновенныхъ дарованій. Они не могутъ понести бремени той жизни, какая заключается въ опре-

дѣленномъ поэпическомъ возрѣніи; они могутъ схватить только одинъ какой нибудь моментъ ея развитія, уловить одну разительную черту; далѣе, глубже они не проникаютъ и упомянутые щепочною съ ней борьбою, они спѣшаютъ оставить свое дѣло недовершивъ его, или довершивъ не вполне, какъ нибудь. Между тѣмъ гений свободно, величественно обтекаетъ весь кругъ, очертываемый предъ нимъ его идеей; онъ развертываетъ ее во всей таинственной ея глубинѣ. Слитое воедино предъ глазами его дробится на оплѣтки, разносится; безчисленные образы возстаютъ передъ нимъ и привѣстивъ своего творца улыбкою чистѣйшей жизни, движутся дружно и стройно, подобно Мифологическимъ харидамъ Древнихъ. — Такъ предъ зрительною трубою астронома развертывался необъятное пространство небесъ съ ихъ мірами; млечная полоса блестящихъ миліонами звѣздъ. Онъ опредѣляетъ разносити ихъ, устройство, величину и движеніе. Ихъ дивная гармонія не есть уже для него одно отвлеченное понятіе; это живая картина, предметъ для созерцанія, а не для од-

ного холоднаго ума. Око виднѣтъ ея и ухо кажешся слышитъ шелестъ движущихся въ ней силъ. Онъ не заблудшійся спланикъ въ небѣ; онъ жншель его, обозрѣвающій мощнымъ духомъ своимъ это великое домостроительство жизни — и подобно Невтону, преклонивъ свое чело, онъ, кажешся, ощущаетъ надъ собою тихое вѣяніе руки, просвертной надъ сею пучиною міровъ, въ ихъ науписывованіе и охраненіе.

Изъ этого видно, что гений поэта столько же надѣленъ спрогимъ и вѣрнымъ разсудкомъ, сколько глубиною эстетическаго чувства и творческой фантазіей. Иначе, какимъ бы образомъ онъ располагалъ отношеніями, приводилъ въ устройство многосложные элементы раскрывающіеся въ его идеѣ? Это разсудокъ, но разсудокъ посвященный въ тайны творчества; разсудокъ, который дѣйствуетъ подъ вліяніемъ совершенно особеннаго возрѣнія на вещи, нежели умъ философа; разсудокъ, который не только познаетъ, но и созерцаетъ, — разсудокъ, которому суждено подвизаться для идеаловъ, устроивая ихъ пребываніе на землѣ, облекая ихъ во всѣ формы

дѣйствиельности, ему одному только доступныя, а не фантазіи.

Разнообразіе, гармонія и единство составляютъ красоту. Этому пріоритетному закону подчинены всѣ явленія природы; но мы не довольствуемся ими. Часто этотъ законъ дѣйствуетъ не для того, чтобы дать жизни всевозможную полноту и совершенство, но для того только, чтобы поддерживать механизмъ ея. Поэтому часто эстетическое употребленіе или приложеніе этого закона мы находимъ только въ идеальныхъ созданіяхъ. Въ нихъ только разнообразіе, гармонія и единство являющіяся какъ формы излѣчнаго и плѣняющія насъ самобытію, какъ знаменія высочайшей, совершеннѣйшей жизни. Отъ того въ разнообразіи мы видимъ — индивидуальность; въ гармоніи простое сцѣпленіе, или приживаніе вещей, но союзъ свободы, опредѣляемый любовью и взаимными потребностями — а въ единствѣ всеоживляющую вѣчную идею. Въ твореніяхъ поэтического гения рѣдко сіи элементы красоты уравниваются, что зависитъ безъ сомнѣнія отъ

личнаго его характера. Иногда преобладаетъ разнообразіе надъ единствомъ, или единство надъ разнообразіемъ, иногда гармонія выспавляется, такъ сказать, напоказъ. Въ первомъ случаѣ красота поражаетъ насъ неистощимою роскошью и богатствомъ жизни; нѣтъ чершы, гдѣ бы она не являлась въ высшей степени своего развитія. Каждое явленіе, отличающееся своимъ собственнымъ характеромъ и фізіогномією; каждое явленіе независимо, беззаботно разцвѣтаетъ во всѣхъ силахъ своихъ, дышетъ для свободы, для счастья и упоенія — оно живетъ только для жизни. И вотъ гдѣ теній поэтической принимаетъ на себя характеръ не выразимо очаровательный, характеръ *граціозности*. Она чадъ разнообразія, чадъ идеи, развившейся до всевозможныхъ формъ индивидуальности. Чѣмъ мельче дробится жизнь идеальная, тѣмъ она ближе подходитъ къ граціозному значенію — и здѣсь грація является, какъ тонкое едва замѣтное обозначеніе и выраженіе жизни. Эта тонкость составляетъ важное условіе граціозности и однакожъ ее нельзя достигнуть, безъ игривости и легкости. Образовавшаяся

въ душѣ генія изъ эпическихъ элементовъ движенія, грація порхаетъ, а не идетъ, извивается, а не спрется. Она обозначаетъ себя прикосновеніемъ; ея слѣды переливы, а не бразды. Радость ея — улыбка, а не хохотъ; ея печаль — слезы, а не рыданія. Грація есть женскость. Она вся сладость, очарованіе, нѣжность. Она смягчаетъ порывы роскошнаго упоенія, степенія восторга ея превращающіяся въ прерывистый, неясный лепетъ — или слово скользишь на устахъ ея и рождаясь въ шопотъ, оно умираетъ во вздохъ. — Гдѣ въ возрѣвѣніи преобладаетъ единство, тамъ поэтической теплотѣ принимается характеръ *высокой, величественной* — и тогда индивидуальныя разности подчиняются идее цѣлаго, безконечнаго. Тутъ значеніе жизни уступаетъ значенію закона и судьбы; тутъ нѣтъ свободной игры и движенія силъ, нѣтъ легкихъ извивовъ, отпѣнковъ, переходовъ, кошорыми ознаменовываетъ себя твореніе въ живомъ радостномъ сознаніи своего личнаго бытія, старающагося уловить всевозможныя проявленія жизни, испивая чашу ея по каплѣ безъ помѣхи и препятствій. Изъ отдѣльных силъ здѣсь

воздвигается одно могущественно, которое въ единеніи своемъ величіи кажется, подобно сатурну, пожирающимъ собственныя свои дѣтей. Все движется вокругъ него только для того, чтобы повергнуться къ его подножію; это вселенная, коей всякая тварь должна принести себя въ жертву охотно и безропотно, если только потребуетъ. того суровый законъ ея непреложнаго порядка; это вѣчность, обновляющаяся въ могилахъ и развалинахъ; это герой, погрузившій все прельщенія сердца въ одной мысли народа, человечества, государства. Вотъ почему поэтическое гений оборотившій къ себѣ жизнь этою стороною, даетъ намъ образы и картины всегда величественныя, колоссальныя, иногда торжественныя, иногда грозныя, но большею частію мрачныя, перѣдко съ примѣсью таинственности и чего то неопредѣленнаго. — Наконецъ преобладающая идея гармоніи кладетъ на поэтическое твореніе печать такъ называемой правильной, стройной красоты; такъ какъ здѣсь не столько выражается жизнь, сколько ея отношенія, то эта красо-

та легко можетъ въ произведеніяхъ обыкновеннаго таланта превратиться въ холодный формализмъ. Одинъ геній можетъ избѣжать эшаго недосапка, или эшаго излишесства; изъ двухъ крайностей — разнообразія и гармоніи скорѣе можно найти въ немъ избытокъ перваго, произтекающій отъ избытка жизни, чѣмъ исключительное преобладаніе послѣдней, гдѣ жизнь пожертвована слишкомъ строгому и мелочному устройству частности.

Теперь обратимся къ тому отношенію, въ какомъ геній поэтической находится къ формамъ, къ искусству. Сущесствуюція въ поэіи формы не иное что, какъ *извѣстные способы раскрытія и проявленія идеальной жизни*, какъ извѣстныя границы, въ коихъ жизнь сія получаетъ опредѣленность. Ихъ называютъ учеными именами, по Гречески, потому что Греки первые съ ними встрѣтились въ разнообразномъ развитіи своей поэіи и первые ихъ назвали. Будемъ держаться этихъ наименованій, потому что съ ними сопрягается смыслъ общепонятный. Дѣло въ томъ, что идеальная жизнь, сей необъятный потокъ свѣта, кресты и блаженства будучи

низводима въ сферу человѣчества, должна бытъ опредѣлена и успироена мѣрою человѣческихъ силъ, способовъ и жизни. Человѣкъ дѣлаешся здѣсь зодчимъ только для самого себя. Какъ бы ни были стремленія поэпическаго генія, куда бы взоръ его ни простирался въ безконечномъ пространствѣ идей, какіе бы образы красоты нисозидала его фантазія — для всѣхъ ихъ выраженіемъ, обликомъ, провозвѣстникомъ будешъ дѣйствительный человѣкъ, человѣкъ подчиненный условіямъ времени и пространства. Почему въ самомъ свободномъ въ самомъ опвлеченномъ, такъ сказать, представленіи изящества, надобно обращаться къ формамъ жизни человѣческой, или лучше сказать, къ формамъ жизни свободно - разумной. Цѣлое мірозданіе съ его гармоніей будешъ неинное что, какъ вѣчная смерть, какъ сухая грамада костей, если оно не опразишся въ сердечномъ препенѣ мысляющаго и самосознающаго существа, если по немъ не промчися гулъ его скорбей и радостей, его свободы, торжествъ и гибели. Вошъ почему всякое поэпическое произведеніе естъ неинное что, какъ человѣкъ развернутый въ изгибахъ

своего сердца, шествующій въ лабиринтѣ своихъ судебъ. Природа внѣшняя служишь здѣсь только пьедесталомъ, на которомъ поставляется многосторонній ликъ сего пропея, въ коемъ жпзнь движется по всѣмъ направленіямъ времени и пространства, во всѣхъ возможныхъ степеняхъ развитія, во всѣхъ возможныхъ шипахъ и въ тоже время слѣдуютъ законамъ простымъ и пензъмьнымъ.

И такъ формы человѣческой жизни суть вмѣстѣ съ пѣмъ и формы для созданій Поэтическаго Генія. Мы находимъ, что она вся обращена или внутрь души, гдѣ разцвѣтаетъ она въ многообразныхъ порывахъ и движеніяхъ, гдѣ вся она есть сознаніе; или переходитъ во внѣшній міръ, въ начинающія свободы, дѣлающія Исторіей. Посему форма внутренняго самоощущенія и форма Истории суть два вмѣстѣшлища сей жизни и вмѣстѣ съ пѣмъ двѣ главныя формы, въ которыхъ идеальное дѣлается опредѣленнымъ живымъ явленіемъ, или картиною — предметомъ для созерцанія. Первой формѣ присвоено названіе *Лирики*, второй, наименованіи *Эпоса*. Обратимся ли мы къ древнѣйшимъ произведеніямъ — къ Индѣй-

скимъ космогоніямъ и Оеогоніямъ, къ Греческимъ ли художественно - образцовымъ произведеніямъ, — все равно — все первообразныя идеальныя движенія духа выразились первоначально въ полныхъ отзвучіяхъ самоощущенія и въ историческихъ актахъ и построеніяхъ, — въ Лирикѣ и Эпопее; все связано, сложено и организовано по законамъ сердца и высшей дѣятельности. Но если бы какой либо народъ достигъ такого развитія самоощущенія, нравственной свободы и гражданственности, что человѣческое лицо средняго предстало бы во всемъ величій самостоятельности, тогда народъ этотъ ознакомился бы съ новымъ высшимъ элементомъ жизни и въ поэзіи онъ создалъ бы драму. Въ самомъ дѣлѣ полное развитіе и образованіе драмы возможно только на высшей степеніи развитія духовной жизни. Ни у одного народа древности, кромѣ Грековъ, драматическіе элементы не могли совершенно отдѣлиться отъ Лирики и Эпопеи, чтобы составить стройную и самостоятельную форму Поэзіи; тамъ человекъ былъ болѣе или менѣе жертвою какой нибудь касты и упопалъ съ своею лич-

ностію въ пошокъ судебъ , увлекавшемъ цѣлыя массы общества; индивидуальность смирилась предъ строгимъ закономъ общаго порядка. Одинъ Грекъ способенъ былъ создать драму, какъ художественное произведеніе, потому что стихіи для ней находилъ не въ умѣ своемъ или воображеніи, но въ жизни. Хотя здѣсь религія неблагопріятствовала также полному развитію личности въ человѣкѣ (это могло сдѣлать только Христіанство); но въ замѣнъ этого за нее ходатайствовали общественныя учрежденія. Сіе-то движеніе личностей разнообразныхъ и противоположныхъ, сія игра силъ, дѣлавшая, повидному, человека, независимо отъ судьбы, и причиною и жертвою собственныхъ его начинаній, перейдя въ поэзію, не могли уже довольствоваться обыкновеннымъ историческимъ изложеніемъ; они требовали формы болѣе сообразной со внутреннимъ своимъ значеніемъ, формы болѣе, такъ сказать, сосредоточенной, требовали *дѣйствія въ настоящемъ*, не разсказа, но представленія, полнаго и окончательнаго олицетворенія идей.

Поэпическій Геній непринравляетъ сво-

ихъ идей къ условіямъ формы; она сама изписывается изъ его духа, какъ необходимый способъ для раскрытія первыхъ. Онъ бываетъ Лирикомъ, Эпикомъ или Драматикомъ, не думая о томъ; онъ былъ бы однимъ изъ нихъ, если бы даже не вѣдалъ ничего о художественномъ ихъ значеніи. Для него существуютъ только одни формы дѣйствительной жизни. Онъ не только создаетъ лица, но и вводитъ ихъ въ опредѣленный кругъ дѣятельности, заставляетъ ихъ поступать по извѣстнымъ побужденіямъ, развиваетъ ихъ повѣсти съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій посщенности и т. п. все это дѣлаетъ потому, что точно такимъ же путемъ и по такимъ же законамъ развивается жизнь человѣческая. Но самая физиогномія, черты его созданій принадлежатъ ему, или лучше сказать, обильной имъ идеѣ.

И такъ отношеній Генія къ Искусству не должно опредѣлять условіями Техники. Условія эти важны; они споры Искусства, какъ самостоятельнаго историческаго явленія въ человѣчествѣ; они соспавляютъ въ

немъ поже, чшо въ органическомъ шѣлѣ процессы питанія и растительности. Геній ихъ не уничтожаетъ; но онъ подчиняетъ ихъ совершенно своимъ идеямъ; это простыя орудія и средства для него, коихъ онъ не удоспѣиваетъ даже замѣнить, какъ идущій не замѣчаетъ шаговъ своихъ. Не здѣсь надобно собирать матеріалы для оцѣнки его. Онъ влечетъ душу въ Искусство; даетъ этому шѣлу жизнь и движеніе. Оно обновляется его духомъ, получаетъ отъ него ту силу, кою-рая дѣлаетъ его могучимъ двигателемъ умовъ и сердецъ, силу идей. Отъ Генія зависитъ эпоха усовершенствованія Искусства. Ему принадлежитъ законодательная власть надъ нимъ; будучи представителемъ своего вѣка, онъ одинъ имѣетъ право опредѣлять духъ его и выражать его преобладающія. Съ царственной высоты своей располагая судьбами Искусства, онъ оставляетъ Министрамъ своимъ — талантамъ заниматься частностями, административнымъ устройствомъ своей державы. Наконецъ, посредствомъ его Искусство входитъ въ соотношеніе съ судьбою человѣче-

ства: ибо только Генію доступны вѣчныя и непреложныя истины послѣдняго.

Теперь намъ не трудно обозначить главныя эстетическія свойства всякаго Геніальнаго произведенія Поэзіи. *Первое* — оно *самобытно*, будете ли вы разсмапривать его въ отношеніи къ содержанію, или въ отношеніи къ формѣ. Оно образовалось прямымъ естественнымъ путемъ въ его духѣ изъ вѣчныхъ идей человѣчества, а не возникло изъ искусственныхъ построеній ума художественнаго. Это не списокъ — это твореніе; оно началось могуществомъ одной силы и могуществомъ этой силы довершается. Никакое чуждое вліяніе не прикасалось сему державному величію души человѣческой, гдѣ ся силы являюся во всей дѣвственной своей чистотѣ — гдѣ чувство возбуждается только красою, гдѣ умъ слагаетъ думы самъ, и воля рѣшитъ свое дѣло — собою. Часто смѣшиваютъ оригинальность творенія съ самобытностію; но первое есть только обнаруженіе личнаго характера писателя — какое же намъ дѣло до него? Это можетъ быть предметомъ Психологическаго изученія, но для

искусства исключительная физіогномія ничего не значить. Пусть дадутъ намъ идеи чловѣческія, идеи ваши и мои, или идеи вѣка, что все равно — пусть эти идеи выражаются въ твореніи по законамъ природы, но пусть онѣ поставятъ меня на высоту, до которой бы я самъ никогда не могъ достигнуть — мы увидимъ въ этомъ твореніи чистую божественную жизнь безъ суебныхъ прикрасъ, безъ искаженій, оскверняющихъ ее въ земномъ тѣненіи — мы назовемъ его самобытнымъ. Идеи такого творенія не умираютъ. Это живыя части живаго чловѣческаго организма, который создается и будетъ создаваться вѣчно. Въ глубокой отдаленности вѣковъ возникла мысль: она часть моей и вашей души. Это кость, это мышца которою живешь и движешься тѣло XIX вѣка. Выкиньте эту мысль изъ. Испорѣн — чловѣчеству современному будетъ недоставать одной нужной капли крови; оно не будетъ здорово. Оно пошло бы другимъ путемъ, — какимъ? не знаемъ — но пошло бы другимъ путемъ. И такъ твореніе Поэтическаго Генія самобытно, потому что въ немъ осуществляющіяся, доводится до созна-

ніа нашего, не опидѣльныа, разбросанныа чер-
ты нравовъ, конвульсіи или легкіе переливы
общественной жизни, но идеи.

Изъ этого происшекаетъ другое эстетиче-
ское качество Гепіаальнаго произведенія —
свобода. Оно естъ чисто эстетическое про-
изведеніе — и не болѣе. Ищете въ немъ жи-
зни идеальной, ищите разнообразія, гармоніи
и единства въ развитіи этой жизни — но
не пребудьте ни назиданія, ни усовершенія
умственного. Для чего же оно существуетъ?
Всякое дѣло человеческое имѣетъ опредѣлен-
ную цѣль. — Именно для того, чтобы привести
у васъ въ забвеніе всякую вашу цѣль — что-
бы вы хотя на минушу перестали быть ра-
бами вашихъ мелкихъ спрасей и сдѣлались
людьми, ощутили въ себѣ сладость полного че-
ловѣческаго существованія. Все въ начинаніяхъ
нашихъ болѣе или менѣе эгоизмъ — только
Поэзіа не знаетъ его. — Поэтический Гений, ка-
кое бы направленіе не имѣлъ по духу вѣка
и народа, не можетъ сдѣлаться дидакти-
комъ, испропывоборсывуя своему назначенію
Дидактика въ Поэзіи являлась всегда во дни
ея упадка.

Наконецъ шрешье качество Геніально-поэшическаго произведенія естъ *истина, естественность*. Сипранные дѣло! вамъ представляюща лики, запечатаѣнные какою-шо небесною физіогноміею, лики, коимъ соошвѣпствующаго недѣлимаго вы не найдете во всемъ вашемъ современномъ мірѣ — а между тѣмъ они люди, они вы и я. Всѣ отношенія дѣйствительнаго бытіа, всѣ условія развитія жизни, какою мы живемъ, соблюдены съ такою строгостію, что вы часно впадаете въ искушеніе принять шворческое созданіе за списокъ. Это-шо соединеніе идеальнаго съ дѣйствительнымъ — составляетъ въ швореніи Генія самое удивительное явленіе. Глубокъ, величественъ и недосыгаемъ для мелкихъ умовъ, онъ въ тоже время проситъ, какъ ваша забота о насущномъ благѣ дня. Кажется онъ не сходитъ съ земли — а между тѣмъ однакожъ въ присутствіи его вы испытываете тоже, что испытываете бесѣдуя съ великимъ человекомъ, который ходитъ, смолнитъ, говоритъ какъ вы — но что онъ не вы, это вы чувствуете по сердечному вашему шрепелу, по непреодолимому чувству смиренія. По-

смотриши на картины Геніальнаго Поэта, прислунайшесь къ его языку — онъ можетъ васъ изумить, потрясти до уничтоженія прежде, чѣмъ вы замѣните какою чертою, или какимъ словомъ производить онъ это волшебство: такъ мало выставляеть онъ себя на показъ, и такъ кажется онъ обыкновеннымъ во всемъ, кромѣ дѣйствія имъ производимаго. Отъ чего же это? отъ того, что Геній идетъ прямымъ путемъ природы и хорошо знакомъ съ ея уснавами.

Нужно ли Генію образованіе? Часно говорятъ, что такой-то Геніальный писатель былъ бы гораздо выше, если бы онъ получилъ *надлежащее* образованіе? Но что подъ этимъ разумѣютъ? Науки ли, познанія, или известное наспросіе эстетическаго чувства? Если первое, то объ немъ не нужно напоминать Генію: самое стремленіе его къ творчеству повлечетъ къ изученію всего того, съ чѣмъ оно имѣетъ соприкосновеніе, чѣмъ укрѣпляется его сила и что дастъ ему или матерію для образовъ, или краски для живописанія. Изученіе быта человеческого и природы конечно въ семъ смыслѣ будетъ главнымъ его дѣломъ.

Нѣтъ, кажешся, нужды напоминая здѣсь, что не школа разкрываетъ передъ нимъ великія ихъ тайны, но жизнь и опыты. Изъ школы злополучій особенно геній износитъ истины самыя глубокія и самыя вѣрныя — и судьба никогда нескупится обогащать его уроками этого рода. — Но неполучаетъ ли наконецъ геній извнѣ эстетическаго направленія? Такая мысль была бы оскорбленіемъ его величія. Съ понятіемъ творчества уже соединяется понятіе совершенно самостоятельнаго способа дѣятельности; геній поэтическій пошому и есть геній творящій, что онъ въ самомъ себѣ носитъ начало всѣхъ своихъ движеній; самыя недоспѣшки его суть неоправимые послѣдствія его первоначальнаго воззрѣнія на вещи и ихъ глубокихъ впечатлѣній, какія способно было принять одно его сердце: это увлеченіе рока, воздвигшагося въ нѣдрахъ его собственнаго духа. Видѣли ли вы на небѣ эту звѣзду? спросилъ Наполеонъ у одного изъ своихъ приближенныхъ, когда сей послѣдній изъявилъ свой паническій ужасъ, услышавъ отъ него о новыхъ исполинскихъ предпріятіяхъ. Нѣтъ, Государь — отвѣчалъ

онъ — теперь день. — А я такъ вижу ее
возразилъ сынъ судьбы. — Такъ и у Поэти-
ческаго Генія есць своя путеводная звѣзда,
кошорая ему одному свѣтитъ и кошорая од-
на ведетъ его въ Искусствѣ или къ Капи-
толію, или къ скалѣ Тарпейской.

56

22

2007066709